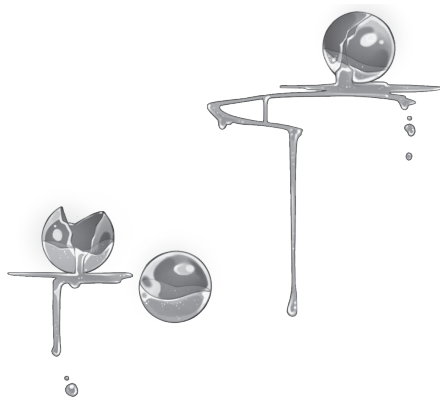

Росс Уэлфорд

ТЫСЯЧЕЛЕТНИЙ МАЛЬЧИК

N SUGAR
BOOKS

Москва
2024

**ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ**

Альфи

Хотите жить вечно? Я вам не советую. Я привык быть бессмертным и прекрасно понимаю, что это за жизнь. Я сыт ею по горло. Я хочу расти, как все остальные. Вот вам моя история. Зовут меня Алве Эйнарсон. Мне тысяча лет. На самом деле даже больше. Мы друзья? В таком случае зовите меня Альфи. Альфи Монк.

ГЛАВА 1

Саут-Шилдс, 1014 год н. э.

Мы, я и мама, сидели на невысоком утёсе возле устья реки и смотрели, как на другом берегу дым от нашей деревни поднимается и смешивается с облаками.

Реку все называли Тайн. Мы произносили это слово как «Тшин», но это было наше личное название.

Мы сидели, мама вытирала слёзы и яростно ругалась, а из-за реки до нас доносились стоны и крики. Мы чувствовали запах дыма от сгоревшей деревянной крепости на вершине утёса. Люди — большей частью наши соседи — столпились на том берегу, но Даг, перевозчик, не собирался возвращаться за ними. Не сейчас: сейчас его тоже убили бы. Он, бормоча извинения, убежал от нас, едва его плот коснулся берега.

Прибывшие на лодках наконец появились над берегом, где собрались местные жители. Сначала они просто стояли — высокомерные и бесстрашные, затем, держа наготове мечи и топоры, пошли вниз к своей добыче. Я видел, как люди входят в воду, пытаясь скрыться. Далеко им не уйти: их перехватит маленькая лодка, которая ждёт на середине реки.

Я опустил голову и уткнулся в мамину шаль, но мама выдернула шаль и вытерла глаза. Голос её дрожал от ярости.

— Позори, Алве, позори!

Мы так говорили. Теперь этот язык называется древне-скандинавским. Но сами мы никак его не называли. Она имела в виду: «Смотри! Смотри, что они делают с нами, — люди, которые явились с севера в своих лодках».

Но я не мог смотреть. Я встал и пошёл прочь в каком-то оцепенении. И всё равно я слышал звуки убийств и чувствовал запах дыма. Я был несчастен из-за того, что остался жив. Позади меня мама толкала маленькую деревянную тачку, нагруженную барахлом, которое мы хваталаи и ухитрились уложить на Дагов плот. Моя кошка Биффа шла сбоку, иногда бросаясь в траву за мышью или кузнечиком. Обычно в таких случаях я улыбался, но в этот раз я был так опустошён, словно меня выпотрошили.

Пройдя милью или две, мы с мамой нашли глубокую защищённую бухту и в ней — пещеру. Солнце светило ярко, и я смог воспользоваться отцовским зажигательным стеклом — кривым полированным осколком, собиравшим солнечный свет в тонкий лучик, способный зажечь огонь. Я боялся, что налётчики станут нас преследовать, но мама сказала, что не станут, и оказалась права. Мы спаслись.

Три дня спустя мы наблюдали, как их лодки уходят обратно в море, и тогда я совершил самую большую ошибку в своей жизни. Чтобы её исправить, мне пришлось ждать тысячу лет.

ГЛАВА 2

Если вам захочется спросить меня: «Почему ты это сделал?» — валяйте, спрашивайте, я не против. Я много-много раз задавал себе этот вопрос. И до сих пор не знаю полного ответа. Могу лишь сказать, что я был молод и очень, очень напуган. Я хотел сделать что-нибудь — что угодно, — чтобы стать сильнее, чтобы лучше помогать маме и защищать нас обоих.

И я стал Бессмертаном, как моя мама.

Это началось давно. Правда, давно: очень много лет назад. Вот что случилось.

Мой отец владел пятью маленькими стеклянными шариками, которые мы называли жемжизнями.

Жемчужинами жизни.

Ничего ценнее у нас не было. Мама говорила, что, возможно, во всём мире нет ничего более ценного.

Чтобы их получить, люди шли на убийство; отец погиб, чтобы их сохранить. Потому-то мы никому не говорили, что они у нас есть.

Теперь их осталось три. Одна для мамы и две для меня, когда я подрасту.

Я знал это. Мама часто внушала мне: «Сперва ты должен вырасти, Алве. Прояви терпение».

Но я не мог ждать.

На третий вечер нашего пребывания в пещере, когда мама ушла за пресной водой, я откупорил маленький глиняный горшочек и достал жемжизнь. Хотя она была очень старой, стекло переливалось в сумеречном свете, идущем от входа в пещеру. А густая жидкость внутри словно загорелась янтарным огнём, когда я поднёс жемжизнь к костру.

Биффа сидела на небольшом камне напротив меня, и её жёлтые глаза светились так же, как и стеклянный шарик. Понимала ли она? Биффа мяукнула, будто что-то сказала мне. Очень часто мне казалось, что Биффа многое понимает.

Присев на корточки, я нашёл нож — маленький кусок железа с деревянной рукояткой, который раньше принадлежал папе, — и поднёс его к огню. Оглянувшись на вход в пещеру, чтобы убедиться, что я один, и сглотнул.

Когда я дважды полоснул горячим лезвием по плечу, появилась кровь. Два коротких надреза — таких же, как мамины шрамы. Таких же, как шрамы, которые были у отца. Я не знаю, важно ли делать именно два надреза; возможно, нет.

Просто так принято.

Больно не было, пока я не попытался растянуть края раны в стороны. Я надкусил жемчужину жизни, и она треснула. Из неё потёк золотистый сироп, похожий на кровь из моих ран. Я собрал его пальцами и втёр в раны. И повторял это снова и снова, пока не закончился сироп. Он жалил, как свежая весенняя крапива.

Потом всё пошло не по плану. Я много раз проигрывал эту ситуацию в голове, как люди проигрывают понравившийся эпизод из фильма. Мог ли я что-нибудь изменить?

Не знаю.

Думаю, Биффе просто было интересно. Она не могла знать — хотя, как я уже сказал, Биффа была знающей кошкой. Неожиданно она тихонько мурлыкнула и прыгнула ко мне прямо через костёр — сбоку, где пламя было пониже. Нож я держал в руке и поднял его, не задумываясь; это был автоматический жест самозащиты. Нож поцарапал переднюю лапу Биффы, но кошка даже не мяукнула. Когда она приземлилась, я обернулся, и моя туника смахнула с каменной полки ещё одну жемчужину жизни. В этот момент я потерял равновесие, наступил на жемчужину, и она треснула.

Несколько секунд я в ужасе смотрел на неё. Уже то было плохо, что я не послушался маму. Но вдобавок я впустую потратил ещё одну бесценную жемчужину жизни.

Из неё на камень стала сочиться густая янтарная жидкость. Думая только о том, что её нельзя выбросить, я схватил Биффу за шкуру и начал втирать жидкость в раненую лапу.

(После я долгие годы объяснял маме, что сделал это без злого умысла. Я хотел только, чтобы жемжизнь не пропала зря.)

Затем я перевязал руку длинным куском чистой ткани, а другой кусок обмотал вокруг лапы Биффы. Кажется,

кошка была не против. Она облизала усы, зевнула и свернулась клубочком. Вскоре на фоне синего неба появился силуэт мамы — она вернулась с ведром чистой воды. Я сгорал от стыда.

Иногда мне кажется, что я всё ещё стыжусь.

В тот момент мне было одиннадцать зим.

Мне предстояло более тысячи лет оставаться одиннадцатилетним.

ГЛАВА 3

Всё это было очень давно.

Я и раньше пытался рассказывать свою историю, но быстро понимал, что люди не хотят ничего знать. Мне приходилось опускать важные подробности — например, умалчивать о жемчужинах жизни, и люди считали, что я над ними подшучиваю (в лучшем случае) или что я опасный сумасшедший (в худшем).

Так что я, как говорится, молчал в тряпочку.

Я иногда спрашиваю себя, как реагировали бы люди, если бы я выглядел старым? Будь я морщинистым, скрюченным, лысым, с дребезжащим голосом и огромными ушами с синими венами, одетым в плохо сидящую одежду? Тогда, наверное, они бы не думали, что я шучу? Они бы сразу решили, что я спятил от старости.

— Бог с ним, с этим стариком Альфом, — сказали бы они. — Сегодня он опять среди викингов.

— Что? А... Вчера он вспоминал про Чарлза Диккенса. Как он его видел.

— Да? Бедный старикан. Но ведь он безобидный, правда? Чокнутый, но безобидный.

Дело в том, что я вовсе не выгляжу старым; я выгляжу на одиннадцать лет.

Когда я перестал взрослеть, викинги почти закончи-

ли завоевание северо-восточной Англии. А мы с мамой убегали от шотландцев. Примерно пятьдесят лет спустя норманны вторгнутся на юг страны — в 1066 году. (По сути, норманны — те же викинги, только выучившие французский язык. Я бы так и объяснил, если бы меня спросили, но никто не спрашивал. Норманны — норд-маны, нордические люди, люди с севера — связь очевидна.)

И, поскольку все интересуются, я действительно встречался с Чарлзом Диккенсом, но это было много, много позже.

Видите? Вы же мне не верите, правда? Это не ваша вина, если учесть, что я последний оставшийся Бессмертан на земле. И когда умерла мама, бессмертие стало совсем никудышной жизнью.

Раз мне не верите даже вы, то какие у меня шансы убедить Эйдана Линклейтера или Рокси Минто? А ведь мне понадобится их помощь, если я хочу избавиться от своего проклятия вечной жизни.

И если они мне не поверят, тогда я, как теперь говорят, попал.